

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-551-565

EDN: JLVAZE

Научная статья / Research article

Буддийские памятники Орхено-Туульского региона

М.М. Игнатова , Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

 masaignatova@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено историко-культурному развитию Орхено-Туульского региона в период с VIII по XVII вв. Основное внимание уделено археологическим памятникам — руинам столицы уйгурского каганата Ордубалык (Хар Балгас), киданьским городищам Хар Бухын Балгас и Чин-Толгой, а также буддийскому монастырю XVII в., построенному на месте Хар Бухын Балгаса. Рассмотрены фортификационные элементы, административные и культовые комплексы указанных памятников, демонстрирующие влияние различных этносов и религиозных традиций на культурный ландшафт Орхонской долины. Особое внимание уделено роли буддизма, который, начиная с уйгурского периода, постепенно укреплял свои позиции в Монголии. Археологические находки и письменные источники права подтверждают, что Орхено-Туульский регион являлся важным центром культурного и экономического обмена, где религия, урбанизация и правовые системы оказывали сильное влияние на развитие уйгуров, киданей и монголов. Результаты исследования способствуют углубленному пониманию процессов этноконфессионального взаимодействия народов центральной Монголии и их влияния на формирование культурно-исторического облика региона.

Ключевые слова: Ордубалык, Хар Бухын Балгас, Чин-Толгой, монголы, уйгуры, кидань, буддизм, археология, правовые памятники

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, сбор и интерпретацию данных, подготовку статьи к публикации.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20.01.2025; принята к публикации 15.06.2025.

Для цитирования: Игнатова М.М., Китинов Б.У. Буддийские памятники Орхено-Туульского региона // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 551–565. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-551-565> EDN: JLVAZE

© Игнатова М.М., Китинов Б.У., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Buddhist monuments in the Orkhon-Tuul region

Maria M. Ignatova , Baatr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

 masaignatova@gmail.com

Abstract. The study deals with the historical and cultural development of the Orkhon-Tuul region, covering the period from the VIII to the XVII centuries, when three nationalities (Uyghurs, Khidans and Mongols) existed and interacted successively on the territory of modern Mongolia. Much attention is given to the archaeological monuments — the ruins of Ordubalyk (Khar Balgas) — the capital city of the Uyghur Kaganate, the Kidan settlements of Khar Bukhyn Balgas and Chin Tolgoi, as well as the XVII century Buddhist monastery built on the site of Khar Bukhyn Balgas. The study considers fortification elements, administrative and cult complexes of these structures, demonstrating the influence of different ethnic groups and religious traditions on the cultural landscape of the Orkhon Valley. It is specially noted about the role of Buddhism, which gradually strengthened its position from the Uighur period onwards, and finally established itself in Mongolia in the XVII century. Archaeological evidence and written legal sources confirm that the Orkhon-Tuul region was an important centre of cultural and economic exchange, where religion, urbanization and legal systems strongly influenced the development of the Uyghurs, Kidans and Mongols. The results of the study contribute to a deeper understanding of the processes of ethno-confessional interaction in central Mongolia and their influence on the formation of the cultural and historical image of the region.

Keywords: Ordu-Baliq, Khar Bukh Balgas, Chin-Tolgoi, Mongols, Uyghurs, Kidan, Buddhism, archaeology, legal documents

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 20.01.2025; accepted 15.06.2025.

For citation: Ignatova MM, Kitinov BU. Buddhist monuments in the Orkhon-Tuul region. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):551–565. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-551-565> EDN: JLVAZE

Введение

Культурный ландшафт долины реки Орхон представляет собой комплекс археологических объектов, иллюстрирующих этноконфессиональную динамику кочевых народов, проживавших на территории Монголии в VIII–XVII вв. В нашем исследовании изучены материалы, связанные с руинами столицы уйгурского каганата Ордубалык (Хар Балгас), киданьских городищ Хар Бухын Балгас и Чин-Толгой, расположенных вдоль р. Туул в аймаке Булган Монголии.

Выбор городищ обусловлен тем, что данные памятники относятся к периоду, когда на ограниченном пространстве степи одна за другой существовали три

культуры: уйгурская, киданьская и монгольская. Исследованные объекты также являются одними из наиболее исторически значимых памятников Орхон-Туульского региона, так как они отражают локальные особенности развития кочевых народов центральной Монголии. Ордубалык, основанный около 715 г. уйгурским ханом Пейло, сохранился лишь в виде руин жилых кварталов. При киданях, стремившихся защитить границы и контролировать соседние кочевые племена, в долинах рек Туул и Керулен были построены крепости, такие как Хар Бухын Балгас и Чин-Толгой. В XVII в. на месте Хар Бухын Балгаса возведен буддийский монастырь, стены которого сохранились до наших дней.

Ордубалык (Хар Балгас)

Городище Хар Балгас — столица Уйгурского каганата в VIII–IX вв., называвшаяся также Ордубалык (Столичный город) или Балыклык, расположено на левом берегу р. Орхон. Таким Хар Балгас увидел член Орхонской экспедиции В.В. Радлов в 1892 г.: «В каких-нибудь 10 км к югу от угэйнурского моста на левом берегу р. Орхон высится величественные развалины Хара-балгаса (Черного города) — остатки крепости и обширных городских кварталов Орду-Балыка, столицы могущественного уйгурского ханства, подчинившего всю Центральную Азию в VIII–IX вв. До сих пор видны следы непоправимых разрушений, нанесенных этому огромному городу и его цветущим окрестностям енисейскими хакасами-киргызами, ниспровергнувшими в 840 г. власть ненавистного „хойхорского хана“¹.

В археологическом дневнике своей поездки 1891 г. в Среднюю Монголию Д.А. Клеменц писал: «Низкой линией вырисовывался наконец вал, окружающий развалины, а за ними высокий черный силуэт главного здания ... Мы располагали остановиться здесь, чтобы быть ближе к развалинам, но наши рабочие монголы, а отчасти и напуганные их рассказами казаки из бурят ни за что не решались ночевать здесь, около места, где живут злые духи»².

В «Статистическом описании Китайской империи» Хар Балгас был известен как Син-хо-чен. Н.Я. Бичурин писал, что город был основан киданями, а в 1263 г. переименован в Лун-син. В этот период здесь был построен дворец, служивший стратегическим военным пунктом Китая до XV в. [1. С. 416].

Исследователи связывают местоположение Ордубалыка с «Отюкеном» — политической и сакральной родиной нескольких могущественных кочевых империй, где сосредоточены все земные блага. Согласно традиционным представлениям тюркских и монгольских народов, Отюкен располагается в Хангайских горах на территории современной Монголии, в пределах

¹ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1892. Вып. 1. С. 9.

² Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895. С. 28.

Орхонской долины [2. С. 5]. Для оседлых уйголов, обосновавшихся в этом регионе, Ордубалык стал символом Отюкена — благодатного края, обладание которым означало господство над всей Монголией [3. С. 283]. Не случайно все кочевые народы монгольских степей, от хунну до монголов, стремились основать центр своей власти именно здесь, в долине р. Орхон.

В 924 г. Елюй Абаоцзи, основатель империи Ляо (916–1125 гг.) на территории современной Монголии, приказал взять немного воды и камней из Орхона, чтобы перевезти их на киданьские земли³ [4. С. 154], вылить воду в Шара-Мурэн и возложить камни на родовую гору, символически представляя дань от рек и гор⁴. Действия Елюя Абаоцзи можно трактовать как признание киданьским лидером особого сакрального значения Орхонской долины и стремление утвердить свою преемственность по отношению к уйгурскому Отюкену как в политическом, так и в духовном аспектах.

Кроме сакрального значения, выбор Орхоно-Туульского региона в качестве одного из центров власти также имел геополитические основания. Из долины Орхона было удобно контролировать пути в Китай, в т.ч. торговые дороги через Ганьсу, а также организовывать военные походы в Джунгарскую впадину [5. С. 44]. Поэтому после 924 г., когда кидань установили контроль над степью, в Орхонской долине они основали городища, такие как Эмгэнтийн-хэрэм, Хар Бухын Балгас, Чин-Толгой Балгас, Хэрмэндэнж, Улан-хэрэм, Талын-хэрэм и другие [6. С. 62]. В первой половине XII в. чжурчжэни вытеснили киданей из этой долины, что привело к потере киданями контроля над сакральным Отюкеном и последующему ослаблению их позиций в степи. Л. Моузес утверждает, что утрата киданями контроля над степью была напрямую связана с потерей ими Отюкена, что подчеркивает его важнейшее значение как в политическом, так и в сакральном аспектах для народов Монголии и Центральной Азии [7. С. 115].

Несмотря на значительное влияние буддизма в Уйгурском каганате, государственной религией уйголов было манихейство, что подтверждается сохранившимися в 50 м от городской стены Ордубалыка 15 фундаментами, которые содержат в себе архитектурные элементы манихейства [8. С. 208]. Тем не менее буддийские традиции сохранялись среди орхонских уйголов, формируя уникальный религиозный синкретизм, свойственный степным кочевым народам.

Помимо манихейских культовых сооружений внутри городских стен располагались дворец, храмовый комплекс и хозяйствственные здания, об этом свидетельствует найденная в Ордубалыке стела в виде дракона с надписями на согдийском, уйгурском и китайском языках. Все предметы декора дворца можно

³ Первоначальным местом проживания киданьских племен принято считать район верхнего течения р. Шара-Мурэн в юго-восточной части современного автономного района Внутренняя Монголия в КНР.

⁴ Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. New York, 1888. Vol. 1. P. 44.

отнести к уйгурскому периоду (VIII–IX вв.). Декоративные элементы дворца демонстрируют сильное влияние искусства династии Тан (618–907 гг.) [9. С. 31].

Советский монголовед-географ А.Д. Симуков в письме П.К. Козлову от 25 декабря 1926 г. писал, что «на Туин-голе, близ монастыря Туинголыйн-хур, имеется надпись на скале, которую не могут прочесть ни монголы, ни китайцы... Кроме надписи, близ этого монастыря имеются развалины — прежнее место этого монастыря, по словам монголов» [10. С. 103]. Качественные эстампажи надписей в Ордубалыке удалось сделать В.В. Радлову во время археологической экспедиции в Орхонскую долину. В «Атласе древностей Монголии» он описал расколотую каменную стелу с трехъязычной надписью [11]. Также были сделаны отиски стелы в Ордубалыке, содержащие оригинальную тукюэскую руническую и уйгурскую надписи, которые были частично стерты буддийскими монахами, заменившими их молитвами и буддийской символикой⁵.

Д.А. Клеменц зафиксировал следы буддийского влияния на архитектуру Хар Балгаса. Он писал, что на северной и восточной сторонах вала, окружавшего городище, имеются невысокие кучки из битой глины, которые исследователь принял за грубо сбитые субурганы⁶. Помимо основного здания на расстоянии 59,13 м на север находилась обширная четырехугольная постройка с нишами. Клеменц сделал предположение, что в более крупные ниши помещали бурханы, а маленькие ниши в северной стене служили поддержкой галереи и горизонтальных шестов, на которых висели хоругви, молитвы или священные буддийские изображения⁷. На гладких камнях стен некоторых построек часто встречались нацарапанные или выдолбленные отдельные буквы тибетского алфавита. Южная стена ворот выполнена в тибетском стиле⁸. Рядом со стеной в горе мусора были найдены терракотовые буддийские изображения, в т.ч. хорошо сохранившееся рельефное глянчное изображение Цаган-дара-эхе⁹. Примечательно, что на известных памятниках с лапидарными надписями в окрестностях Ордубалыка отсутствуют как монгольские, так и тибетские тексты. В своем дневнике Клеменц задается вопросом: «Если постройка Хар Балгаса относится к буддийскому или точнее, древнебуддийскому, до-Хубилаевскому периоду, то можно ли допустить, что он попал в Монголию, через Тибет? Можно ли думать, что бы тибетский монах где-либо не оставил на камнях знаменитого изречения Ом-мани?»¹⁰.

⁵ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1892. Вып. 1. С. 9.

⁶ Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895. С. 28.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895. С. 52.

В.Л. Котвич написал краткий отчет о поездке 1912 г. в Хар Балгас и находках, происходящих с территории городища, треть из которых — буддийские артефакты, позволяющие проследить религиозное многообразие и культурные контакты Уйгурского каганата. К ним относятся фрагменты надписей на камнях, архитектурные фрагменты, буддийские терракотовые образки «ца-ца», миниатюрные субурганы, керамика, фрагменты дерева и кости животных¹¹. Преобладание буддийских артефактов, среди которых встречаются как элементы центральноазиатской, так и тибетской традиции, указывает на тесное религиозное взаимодействие между уйгурскими, тибетскими и другими буддийскими общинами в IX в. Характерные для тибетского буддизма терракотовые образки «ца-ца», упоминавшиеся выше, свидетельствуют о присутствии тибетского влияния, что может объясняться контактами разного уровня уйголов и тибетцев, так и военно-политическими событиями долины р. Орхон, например, тибетским вторжением в Ордубалык в 816 г.¹²

На территории Хар Балгаса сохранились развалины ступы, вероятно, Махапаринирваны, судя по ее колоколообразному тулову [9. С. 32]. С.В. Данилов считал, что она была культовым сооружением правившего каганского рода [12. С. 58]. В ходе археологических экспедиций найдены буддийские фигурки локапал (хранителей четырех сторон света) и калавинок (мифических певчих птиц с женскими головами) [13. С. 38]. Также обнаружены навершия субургана в форме солнечного диска, лежащего на полумесяце, миниатюрная ступа, кровельное украшение в форме льва и фрагменты круглой концевой черепицы, декорированной изображением лотоса [9. С. 33].

Сопоставление приведенных выше мнений специалистов с результатами археологических раскопок позволяет заключить, что буддизм имел определенное влияние среди уйголов в их имперский период (каганатство). Скорее всего, это был буддизм, принесенный в степи, как и манихейство, из Танской империи, хотя имеющиеся материалы допускают присутствие буддизма среди уйгурской элиты уже в первой трети VII в. [14. С. 509].

Чин-Толгой Балгас

Исследователи отождествляют городище Чин-Толгой Балгас с поселением Чэн-Чжоу — крупным административным центром киданей в Монголии, построенном на месте уйгурского города Хэдун. Это подтверждается наличием слоя, датируемого уйгурской эпохой, под слоем киданьского времени [2. С. 11]. Поселение сохраняло свою значимость и позже: известно, что, стремясь объединить киданьские племена для противодействия

¹¹ Котвич В.Л. Поездка в долину Орхона летом 1912 г // ЗВОРАО. 1914. Т. 22. Вып. 1. С. 165.

¹² Beckwith Christopher I. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton University Press, 1993.

чжурчжэньской экспансии, в 1124 г. в Чэн-Чжоу прибыл Елюй Даши — потомок основателя империи Абаоцзи в восьмом поколении.

Во время полевых исследований венгерские археологи сделали предположение, что поселение киданьского периода Чин-Толгой Балгас было региональным центром, они также обнаружили скопления керамики на поверхности между другими более мелкими городищами, что подразумевает, что правящая элита киданей не проживала постоянно в поселении, а вела кочевой образ жизни вокруг него. Анализ частоты находок керамики и черепицы показал, что границы поселения простирались на 200–300 м от южной стены и 400–500 м от восточной [15. С. 4]. Спутниковые снимки выявили удлиненный земляной вал, оказавшийся в итоге остатком рва [16. С. 19].

Важный этап в истории Чин-Толгоя связан с заключительным периодом династии Ляо и деятельностью Елюя Даши, который в последние годы существования империи был одним из наиболее активных военачальников [17. С. 166]. Под давлением чжурчжэней, в день цзя-у второго месяца (13 марта) 1130 г. Елюй Даши покинул Кэдунь, принеся в жертву Небу, Земле и предкам серого быка¹³. Так окончательно завершилась история киданьской империи Ляо.

Последнее письменное свидетельство о Чин-Толгое связано с эпохой Чингисхана. Сохранилось описание путешествия даосского мудреца Чан Чуня, который в 1221 г. пересекал Монголию. В путевых заметках даос отобразил бедствия, постигшие Азию после монгольского нашествия: «Некогда здесь рощи доходили до небес, а теперь селения виднеются кое-где. Без числа погибло живых тварей от острия меча, сколько прекрасных жилищ обратилось в серый пепел!»¹⁴. В одном из разрушенных городов путешественник увидел хорошо сохранившиеся следы улиц. Чан Чуню сказали, что этот город был построен киданями, которые ушли на запад, не желая подчиниться чжурчжэнам¹⁵. В этом же городе даос обнаружил стелу с киданьскими надписями, установленную на панцире каменной черепахи. Именно в Чин-Толгое были найдены две обезглавленные черепахи, которые в настоящее время находятся около входа в музей другого киданьского города — Хар Бухын Балгаса. Можно с большой уверенностью утверждать, что Чан Чунь посетил Чин-Толгой. Вместе с тем местонахождение указанной выше стелы остается неизвестным.

Во времена династии Ляо буддизм в Монголии получил дальнейшее развитие, чему способствовало покровительство киданьской элиты, в т.ч. Елюя Абаоцзи. Однако, несмотря на это, в городище Чин-Толгой не обнаружено буддийских артефактов. Вместо этого археологи нашли

¹³ 辽史 [Ляо ши; История династии Ляо]. 北京:中华书局, 1958. 页 30.

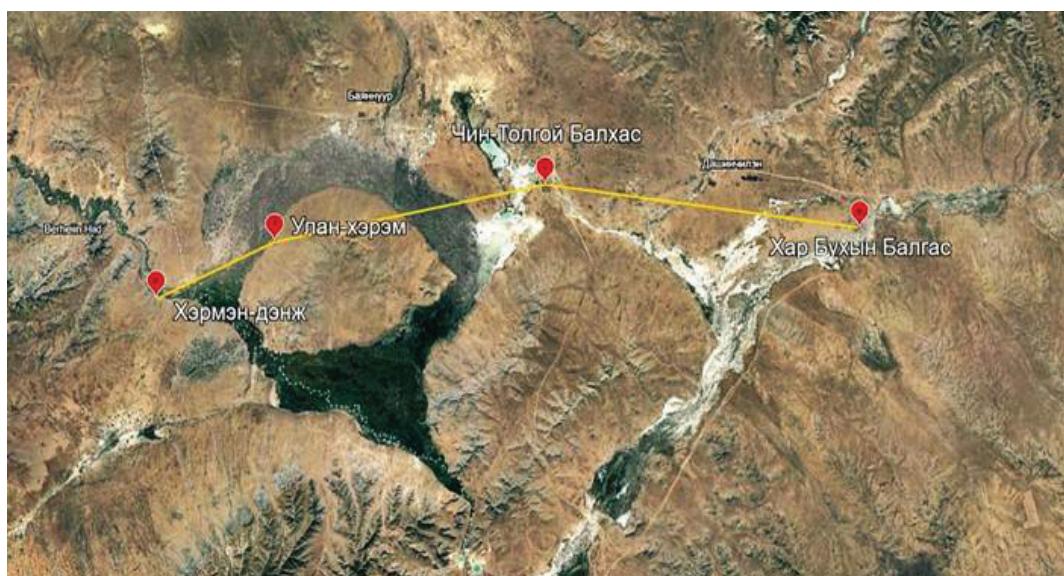
¹⁴ Там же. 页 347.

¹⁵ Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. New York, 1888. Vol. 1. P. 54–55.

множество керамических сосудов, бытовую утварь и остатки гончарных печей [17. С. 65]. Чин-Толгой Балгас был не только административным, но и торгово-ремесленным центром, располагавшимся на периферии империи Ляо. Отсутствие находок материальных следов буддизма в городище заставляет предположить, что здесь могло не быть каких-то значимых культовых сооружений, которые обнаруживаются в соседних киданьских поселениях. Впрочем, последующая история киданей (кара-киданей), образовавших Западное Ляо (1125–1218), четко очертит буддийский вектор их культурного развития.

Хар Бухын Балгас

Результаты полевых работ археологов из Венгрии показывают, что в районе р. Туул находилось более двух десятков памятников киданьского времени. Среди них выделяются четыре крупных городища: Хар Бухын Балгас, Чин-Толгой, Улан хэрэм и Хэрмэн дэнж. Первые три расположены в непосредственной близости друг от друга, формируя единый историко-культурный комплекс, что может указывать на их административную или стратегическую взаимосвязь. Интересно, что городища расположены почти по прямой линии с запада на восток, которую зрительно можно провести, если смотреть на карту или снимок из космоса (рис.) [17. С. 22].

Киданьские городища Орхоно-Туульского региона
Источник: Google Earth. URL: <https://goo.su/UR6N4> (дата обращения: 26.03.2025).

Kidan sites of the Orkhon-Tuul region
Source: Google Earth. URL: <https://goo.su/UR6N4> (accessed: 26.03.2025).

Городище Хар Бухын Балгас, изученное в рамках венгерского археологического проекта¹⁶, представляет собой более крупное укрепленное поселение площадью около 500 м², обнесенное рвом с канавами для отвода воды [15. С. 1–8]. Внутри стен расположены дворец, ступа и две центральные перекрестные улицы с сооружениями, отельные из которых имеют собственные рвы, ворота и стены, содержащие вулканическую породу и сланец. Длина валов: северный — 660 м, южный — 670 м, западный — 690 м, восточный — 760 м. По углам двухэтажного дворца, стены которого имеют толщину 3–4 м, находятся башни. Между угловыми башнями и главными воротами стоят дополнительные 3–4 квадратные башни, всего 30 башен, включая угловые [16. С. 22]. В «Ляо ши» Хар Бухын Балгас упоминается как Фанчжоу¹⁷. Судя по количеству башен, местные кочевники постоянно совершили набеги на приграничные крепости.

В XVII в. на руинах Хар Бухын Балгаса возвели буддийский монастырь, от которого сохранились только стены высотой 2–3 м. Этот монастырь является современником ставки Цогто-тайджи, находящейся в 27 км севернее Хар Бухын Балгаса [16. С. 21]. Д. Гонгор писал, что из дворцов и крепостей, построенных в XVII в., известны монастырь Эрдэнэ-дзу, Белый дворец (Цаган-хэрэм) на берегу р. Туул, воздвигнутый Цохур Цогто-хунтайджи и его матерью Чин Тайху Тайгал, и городище Хар бухын гол на северо-востоке от сопки Хадасан, построенный Номгуй-хунтайджи¹⁸. Связь монастыря Хар Бухын Балгаса с Цогто-тайджи представляет особый интерес, поскольку его 3D-модель [18] может быть использована для предположительной реконструкции архитектурного облика монастыря, так как сооружения были построены в одно время. Более того, политическая деятельность Цогто-тайджи, его роль в буддийском возрождении и контакты с тибетскими религиозными центрами могут открыть дополнительные сведения об этом монастыре.

Монастырь включал в себя несколько зданий. В период полевых работ венгерской археологической экспедиции в центральном святилище в 2017–2023 гг. было найдено большое количество религиозных артефактов, включая изображения Будды, текстильные и металлические предметы [16. С. 4]. В 1990–1993 гг. монгольско-японская исследовательская группа обнаружила 60 страниц рукописей XV–XVII вв., написанных на бересте.

¹⁶ Значительный вклад в исследование руин городища Хар Бухын Балгас сделала венгерская археологическая экспедиция (Лхагвасурэн Эрдэнэболд, Каталин Толнаи, Андраш Хармат Чилла Шиклуди, Жолт Силадьи, Йожеф Ласловский), которая совместно с университетом истории и археологии Монгольской академии наук в рамках проекта по изучению ландшафтов киданей на территории Монголии (KHI-LAND) с 2017 по 2023 гг. проводила полевые исследования. См.: [16. С. 1].

¹⁷ 辽史 [Ляо ши; История династии Ляо]. 北京:中华书局, 1958. 页 164.

¹⁸ Гонгор Д. Халх товчоон II. Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1970. С. 322.

Коллекция состоит исключительно из тибетских буддийских текстов, написанных на монгольском, часть относится к Кангьюру и Сунгдью. Тексты делятся на четыре категории: буддийские молитвы и гимны, поклонение Авалокитешваре, защитные дхарани и астрологические тексты. Среди наиболее примечательных — краткое изложение «Сутры золотистого блеска», обращение к Алтан-хану, четыре молитвы для бардо, поклонение Гэсэру, руководство по сновидениям и свадебные календари. Другие тексты посвящены ритуалам для преодоления присущих миру страданий: признание грехов, молитвы божествам и просьбы о рождении в Чистой земле Амитабхи [19. С. 8]. Обнаружение столь обширного корпуса монгольских и тибетских буддийских текстов свидетельствует о том, что монастырь в Хар Бухын Балгасе выполнял не только культовые, но и образовательные функции, что подчеркивает его значимую роль в распространении буддизма в регионе.

В 1970 г. Э.В. Шавкунов и Х. Пэрлээ обнаружили рядом с северным валом Хар Бухын Балгаса «Восемнадцать степных законов» — уникальный юридический памятник 1580–1620 гг. [20. С. 123]. Правовой документ восполняет хронологический пробел между «Ясой» Чингисхана и «Великим уложением» 1640 г. Одним из составителей «Восемнадцати степных законов» был Цогто-тайджи, принимавший участие в разработке нескольких ключевых законодательных актов. Интересно отметить, что со временем политическое влияние Цогто-тайдже уменьшалось, что отразилось на его позиции среди составителей законов. Если в 1603 г. он занимал четвертое место в списке, то к 1614 г. опустился на шестое, а к 1620 г. его имя оказалось в конце списка из двадцати авторов, что и свидетельствует о снижении влияния Цогто-тайдже среди политической элиты Монголии начала XVII в. [21. С. 59].

В документе выделяется частная собственность на движимое имущество, долговые обязательства как отдельных лиц, так и хошунов, содержится большое количество статей, касающихся брачных отношений, мер наказаний и размеров штрафов [22. С. 169–182]. Особо интересны пункты, касающиеся преступлений против религии и буддийского духовенства, например, в пункте 37 говорится: «Если простолюдин ударит банди¹⁹ острием, [взять с него] одного верблюда. Если ударит чем другим, взять одну лошадь». В пункте 44 говорится: «Человек, прервавший [поставку] продовольствия и подвод Чин Дзорикту Давачи Дархан Сэцэн-багше, введшему в учение Номун Джирухэн Вчирай-хана (Абатай-хана), наказывается штрафом — пяток и пятьдесят голов скота. Монашествующему делается скидка» [22. С. 83]. Анализируя статьи входящих в памятник законов, которые касаются религиозной деятельности, можно довольно четко определить социальную значимость буддийского духовенства в Монголии XVI–XVII вв. Обнаружение «Восемнадцати

¹⁹ Банди — монашеская степень в монгольском буддизме; послушник, принял пять обетов.

степных законов» на территории монастыря повышает интерес к изучению истории Хар Бухын Балгаса. Дальнейшие исследования эпиграфических и архивных источников, связанных с периодом правления Цогто-тайджи, могут помочь по-новому интерпретировать уже существующие документы, связанные с личностью Цогто-тайджи, а также найти новые источники, раскрывающие детали роли монастыря Хар Бухын Балгас в культурном ландшафте Орхонской долины.

Заключение

Городище Хар Балгас, или Ордубалык, представляет собой важный историко-культурный памятник Орхонской долины, служивший столицей Уйгурского каганата в VIII–IX вв. Его значение выходит далеко за рамки административного центра, поскольку город воплощал политическую, сакральную и стратегическую концепцию власти кочевых империй. Согласно тюркско-монгольской традиции, место, где находился Ордубалык, воспринималось как сакральный центр — Отюкен, который символизировал легитимность власти правителей. Власть над этим регионом позволяла не только контролировать экономические потоки, но и проводить военные кампании, что делало Орхонскую долину geopolитическим центром кочевых империй. Чин-Толгой Балгас был стратегическим узлом, связывающим важнейшие административные структуры империи Ляо, а также центром политического сопротивления киданей против чжурчжэней. Археологические исследования показывают, что, несмотря на наличие городской инфраструктуры, правящая элита киданей вела кочевой образ жизни вокруг города. Такая структура характерна для кочевых империй, которые использовали города не как постоянные резиденции, а как сезонные и административные центры. Хар Бухын Балгас находился в составе комплекса городов киданьского времени, формируя с Чин-Толгой и Улан хэрэм единое пространство управления и контроля. Упоминание Хар Бухын Балгаса в «Ляо ши» как Фанчжоу подтверждает его важность как приграничной крепости, постоянно подвергавшейся набегам кочевых народов. Расположение упомянутых городов как центров государственных образований уйгуров, киданей и монголов обеспечивало контроль над важнейшими торговыми путями, соединявшими Китай, Джунгарию и Центральную Азию.

Буддизм сыграл важную роль в трансформации региона. Несмотря на доминирование манихейства как государственной религии уйгуров, в уйгурском обществе присутствовало значительное влияние буддизма, о чем свидетельствуют найденная в Ордубалыке буддийская атрибутика, причем относящаяся к разным буддийским традициям (тибетские терракотовые образки, субурганы и элементы танской архитектуры). Это

говорит о сложных процессах религиозного взаимодействия между уйгурями, китайцами и тибетцами, а также о вероятности проникновения буддизма в каганат уже в первой трети VII в. Киданьский период ознаменовался подъемом буддизма в Монголии, во многом благодаря поддержке правящей киданьской знати, в т.ч. Елюя Абаоцзи. Буддизм укрепил свои позиции в XIII–XVII вв., свидетельством чему являются культовые постройки монголов, в частности, построенный в XVII в. на руинах киданьского города буддийский монастырь, вероятно связанный с деятельностью Цогто-тайджи. Это подчеркивает преемственность сакрального пространства: на месте бывшего киданьского административного центра возведен религиозный комплекс, ставший одним из центров буддийской традиции в Монголии.

Буддийский фактор оказал влияние на социально-политическое развитие народов Орхонской долины, что подтверждается археологическими артефактами, культовыми постройками всех трех периодов и эпиграфическими памятниками. Таким образом, Орхон-Туульский регион — уникальный пример культурной и религиозной трансформации в условиях степного пространства, где кочевники, сменяя друг друга, сохраняли и развивали буддийское наследие своих предшественников.

Список литературы

1. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи : в двух частях. М. : Восточный Дом, 2002.
2. Дробышев Ю.И. Средневековый Отюкен // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 4. С. 5–22.
3. Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник — 1972. М. : Наука, 1973. С. 265–286.
4. Таскин В.С. Термин «Сунмо» в ранней истории киданей // Проблемы востоковедения. 1960. № 4. С. 151–154.
5. Крадин Н.Н. Предварительные результаты изучения урбанизационной динамики на территории Монголии в древности и средневековье // История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства. М. : КомКнига, 2007. С. 40–48. EDN: YTQVGN
6. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История Киданьской империи Ляо (907–1125) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М. : Наука, Восточная литература, 2014.
7. Moses L.W. A Theoretical Approach to the Process of Inner Asian Confederation // *Études Mongoles*. Cahier 5. 1974. С. 113–122.
8. 蒙古国古代游牧民族文化遗存考古调查报告: 2005-2006年 [Отчет об археологическом исследовании культурных остатков древних кочевых народов Монголии: 2005–2006] / 中国内蒙古自治区文物考古研究所,蒙古国游牧文化研究国际学院,蒙古国国家博物馆编. —北京: 文物出版社 [Институт культурных реликвий и археологии Автономного района Внутренняя Монголия Китая, Международный институт по изучению кочевых культур Монголии, Национальный музей Монголии]. Пекин : Изд-во культурных реликвий], 2008.

9. Елихина Ю.И. Буддийские находки экспедиции В.Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // Mongolica XIV. СПб., 2015. С. 30–33. EDN: UNBZNH
10. Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой, № 1. / Монголика-VII. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. С. 102–110. EDN: NYARZP
11. 阙特勤碑拓片 [Топография стелы Цюэ Тэцинь]. URL: <http://www.minwang.comcn/cnCRM/mzwb95/wwxs82/627007/index.html> (дата обращения: 03.02.2025).
12. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
13. Очир А. Эртний уйгурчууд ба бурхны шашин // Дэлхийн Өв-Орхоны хөндийн соёлын дурсгалт газрын 10 жил: өнгөрсөн ба өнөө үе. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал. Улаанбаатар; Хархорин хот, 2014. Х. 33–38.
14. Китинов Б.У. Роль кочевых народов Центральной Азии в продвижении буддизма в Россию // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 504–514. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514>. EDN: LPXNLY
15. Csiky G., Erdenebold Lkh., Harmath A., Jambajantsan A.D., Szilágyi Zs., Tolnai K. The Khi-Land project: an archaeological programme and research in the area of KharBukh Balgas, Mongolia // Hungarian Archaeology. 2017. Vol. 6. № 2. Pp. 1–8.
16. Harmath András, Tolnai K., Szilágyi Z., Erdenebold Lkh. Research on landscape archaeology in the context of nomad towns: results of the Third Field Season of the Khi-land Project, 2018. Pp. 1–10.
17. Крадин Н.Н., Ильин А.Л., А. Очир, Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М. : Вост. лит., 2011.
18. Булган: “Сэтгэшгүй чандмань” сүм буюу “Цогтын цагаан байшин”. URL: <https://montsame.mn/mn/read/328688> (дата обращения: 10.02.2025).
19. Elverskog J. The Mongolian manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the collection of the Mongolian Academy of Social Sciences, Part 1. By Elisabetta Chiodo. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2000. <https://doi.org/10.2307/2700334>
20. Почекаев Р.Ю. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» // Письменные памятники Востока. 2013. Т. 1. Вып. 18. С. 123–137.
21. Восемнадцать степных законов: Памятник монг. права XVI–XVII вв. Монг. текст, транслитерация монг. текста / пер. с монг., comment. и исслед. А.Д. Насилова. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002.
22. Насилов А.Д. Новые сведения о монгольском феодальном праве (по материалам «Восемнадцати степных законов») // Mongolica. М. : Наука, 1986. С. 169–182.

References

1. Bichurin NYa. *Statisticheskoe opisanie Kitaiskoi imperii: v dvukh chastakh* [Statistical Description of the Chinese Empire: In Two Parts]. Moscow: Vostochnyi Dom publ.; 2002. (In Russ.).
2. Drobyshev YuI. Medieval Otyuken. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [Oriental Studies. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2012;(4):5–22. (In Russ.).
3. Potapov P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannykh [Umai — the Deity of Ancient Turks in the Light of Ethnographic Data]. *Tiirkologicheskii sbornik — 1972* [Turkological Collection — 1972]. Moscow: Nauka publ.; 1973. Pp. 265–286. (In Russ.).
4. Taskin VS. The Term “Sunmo” in the Early History of the Khitans. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies]. 1960;(4):151–154. (In Russ.).

5. Kradin NN. *Predvaritel'nye rezul'taty izucheniiia urbanizatsionnoi dinamiki na territorii Mongolii v drevnosti i srednevekove* [Preliminary Results of the Study of Urbanization Dynamics in Mongolia in Antiquity and the Middle Ages]. In: *Istoriia i matematika: Makroistoricheskaiia dinamika obshchestva i gosudarstva* [History and Mathematics: Macrohistorical Dynamics of Society and State]. Moscow: KomKniga publ.; 2007. Pp. 40–48. (In Russ.). EDN: YTQVGN
6. Kradin NN, Ivliev AL. *Istoriia Kidan'skoi imperii Liao (907–1125)* [History of the Khitan Liao Empire (907–1125)]. Moscow: Nauka, Vostochnaia Literatura publ.; 2014. (In Russ.).
7. Moses LW. A theoretical approach to the process of Inner Asian Confederation. *Études Mongoles*. Cahier 5. 1974. Pp. 113–122.
8. 蒙古国古代游牧民族文化遗存考古调查报告: 2005–2006年 [Report on the Archaeological Investigation of Cultural Remains of Ancient Nomadic Peoples of Mongolia: 2005–2006]. 中国内蒙古自治区文物考古研究所, 蒙古国游牧文化研究国际学院, 蒙古国国家博物馆编. 北京: 文物出版社 [Institute of Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region of China, International Institute for the Study of Nomadic Cultures of Mongolia, National Museum of Mongolia. Beijing: Wenwu Chubanshe]; 2008. (In Chinese).
9. Elikhina YuI. *Buddiiskie nakhodki ekspeditsii V.L. Kotvicha iz gorodishcha Khara-Balgasun, khranishchesia v Gosudarstvennom Ermitazhe* [Buddhist Finds from V.L. Kotwicz's Expedition from the Khara-Balgasun Settlement, Kept in the State Hermitage]. *Mongolica XIV*. Saint Petersburg, 2015. Pp. 30–33. (In Russ.). EDN: UNBZNH
10. Pis'ma A.D. Simukova k P.K. Kozlovu i E.V. Kozlovoi, No. 1 [Letters from A.D. Simukov to P.K. Kozlov and E.V. Kozlova, No. 1]. *Mongolica-VII*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie publ.; 2007. Pp. 102–110. (In Russ.).
11. 阙特勤碑拓片 [*Topography of the Kul Tigin Stele*]. Available from: <http://www.minwang.comcn/cncrm/mzwb95/wwxs82/627007/index.html> [accessed: 03.02.2025]. (In Russ.).
12. Danilov SV. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii* [Cities in Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude; 2004. (In Russ.).
13. Ochir A. *Ertnii uigurchuud ba burkhny shashin* [Early Uyghurs and Buddhism]. *Delkhiiin Öv — Orkhon khöndiin soëlyn dursgalyn 10 jil: öngörsön ba önöö üe* [World Heritage — Orkhon Valley Cultural Landscape: 10 Years, Past and Present]. International Scientific Conference. Ulaanbaatar; Kharkhorin; 2014. Pp. 33–38. (In Mong.).
14. Kitinov BU. The role of Nomadic peoples of Central Asia in the spread of Buddhism into Russia. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):504–514. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514> EDN: LPXNLY
15. Csiky G, Erdenebold Lkh, Harmath A, Jambajantsan AD, Szilágyi Zs, abd Tolnai K. The Khi-Land project: an archaeological programme and research in the area of KharBukh Balgas, Mongolia. *Hungarian Archaeology*. 2017;6(2):1–8.
16. Harmath András, Tolnai Katalin, Szilágyi Zsolt, Erdenebold Lkhagvasuren. Research on landscape archaeology in the context of nomad towns: Results of the Third Field Season of the Khi-land Project; 2018. Pp. 1–10.
17. Kradin NN, Ivliev AL, Ochir A, Vasyutin SA, Danilov SV, Nikitin YuG, Erdenebold L. *Kidan'skii gorod Chintolgoy-Balgas* [The Khitan City of Chintolgoy-Balgas]. Moscow: Vostochnaia Literatura publ.; 2011. (In Russ.).
18. *Bulgan: “Setgeshgüü Chandman” süm buyu “Tsogtyn tsagaan bašin”* [Bulgan: “Inconceivable Chant Mani” Temple, or “Tsogt's White Palace”]. Available from: <https://montsame.mn/mn/read/328688> [accessed: 10.02.2025]. (In Mong.).
19. Elverskog J. *The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Social Sciences*, Part 1. By Elisabetta Chiodo. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2000. <https://doi.org/10.2307/2700334>

20. Pochekaev RYU. “The Law” of Mandukhai Khatun for the Oirats and the Specifics of the Development of Mongolian Law in the “Dark Ages”. *Pismennye pamiatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]*. 2013;1(18):123–137. (In Russ.).
21. Vosemnadtsat' stepnykh zakonov: Pamiatnik mong. prava XVI–XVII vv. Mong. tekst, transliteratsiya mong. teksta [Eighteen Steppe Laws: A Monument of Mongolian Law, 16th–17th Centuries. Mongolian Text, Transliteration]. Nasilov AD trans. from Mong., commentary and research. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie publ.; 2002. (In Russ.).
22. Nasilov AD. Novye svedeniiia o mongol'skom feodal'nom prave (po materialam «Vosemnadtsati stepnykh zakonov») [New Information on Mongolian Feudal Law (Based on the “Eighteen Steppe Laws”)]. *Mongolica*. Moscow: Nauka publ., 1986. Pp. 169–182. (In Russ.).

Информация об авторах:

Игнатова Мария Михайловна — лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: masaignatova@gmail.com ORCID: 0009-0007-5535-1982. SPIN-код: 9333-5484.

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-код: 9886-3550.

Information about authors:

Maria M. Ignatova — Research assistant, Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental studies of RAS, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: masaignatova@gmail.com ORCID: 0009-0007-5535-1982. SPIN-code: 9333-5484.

Baatr U. Kitinov — Doctor Habilitatus, Associates Professor, Senior research fellow, Department of History of East, Institute of Oriental studies of RAS, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-code: 9886-3550.